

ЁЛКА С СЮРПРИЗОМ

Чероки называли отцом Жёлтой Кирки. А Жёлтая Кирка была новым золотоискательским посёлком, возведённым преимущественно из неостроганных сосновых брёвен и парусины. Чероки был старателем. Как-то раз, пока его ослик утолял голод кварцем и сосновыми шишками, Чероки выворотил киркой самородок в тридцать унций весом. Чероки застолбил участок и тут же — как радушный хозяин и человек с размахом — разослал всем своим друзьям в трёх штатах приглашение приехать, разделить с ним его удачу.

Никто из приглашённых не ответил вежливым отказом. Они прикатили с реки Хилы, с Рио-Пекос и с Солёной реки, из Альбукерка и Феникса, из Санта-Фэ и из всех окрестных старательских лагерей.

Когда около тысячи золотоискателей застолбили участки и обосновались на них, они назвали своё поселение Жёлтой Киркой, избрали комитет охраны общественного порядка и преподнесли Чероки цепочку для часов из небольших самородков.

Через три часа после окончания церемонии с цепочкой золото на участке Чероки иссякло. Он застолбил не жилу, а карман. Чероки бросил участок и принялся столбить новые — один за другим. Но счастье повернулось к нему спиной.

Золотого песка, который он намывал за день, ни разу не хватило, чтобы оплатить его счёт в баре. Зато почти у всех приглашённых им старателей дела шли на лад, и Чероки радостно улыбался и поздравлял их с успехом.

В Жёлтой Кирке подобрался народ, уважавший тех, кто не падает духом от неудачи. Старатели спросили Чероки, что они могут для него сделать.

— Для меня? — сказал Чероки. — Да что ж, небольшая ссуда пришлась бы сейчас в самую пору. Надо, пожалуй, попытать счастья в Марипозе. Если нападё там на хорошую залежь, тут же пришлю вам весточку. Вы же знаете: я не из тех, кто скрывает свою удачу от друзей.

В мае Чероки навьючил своё снаряжение на ослика и повернул его задумчивой мышасто-серой мордой на север. Толпа новосёлов проводила его до воображаемой городской заставы, и он зашагал дальше, напутствуемый прощальными криками и пожеланиями успеха. Пять фляжек без единого пузырька воздуха между пробкой и содержимым были силком рассованы по его карманам. Чероки просили не забывать, что в Жёлтой Кирке его всегда будут ждать постель, яичница с салом и горячая вода для бритья, если Фортуна не надумает заглянуть к нему на стоянку в Марипозе, чтобы погреть руки у его костра.

Чероки получил это своё прозвище в соответствии с существовавшей среди старателей номенклатурной системой. Предъявления свидетельства о крещении не требовалось — каждый получал свою кличку и без этого. Имя и фамилия человека считались его

личной собственностью, а чтобы его удобнее было кликнуть к стойке и как-то отличить от других облаченных в синие рубахи двуногих, общество присваивало ему какое-нибудь временное звание, титул или прозвище. Повод для этих не предусмотренных законом крестин чаще всего усматривался в личных особенностях каждого. Ко многим без труда приставало название той местности, из которой они, по их словам, прибыли. Некоторые громко и нахально именовали себя Адамсами, или Томпсонами, или ещё как-нибудь в том же роде, бросая этим тень на свою репутацию. Кое-кто хвастливо и бесстыдно раскрывал своё бесспорно подлинное имя, но это воспринималось как пустое зазнайство и не имело успеха среди старателей. Одному типу, заявившему, что его зовут Честертон Л. К. Белмонт, и предъявившему в доказательство бумаги, категорически предложили покинуть город до захода солнца. Особенно в ходу были клички вроде: Коротыш, Криволапый, Техасец, Лежебока Билл, Роджер-Выпивоха, Хромой Райли, Судья и Эд-Калифорния. Чероки получил своё прозвище потому, что он прожил будто бы некоторое время среди этого индейского племени.

Двадцатого декабря Болди, почталъон, прискакал в Жёлтую Кирку с потрясающей новостью.

— Как вы думаете, кого я видел в Альбукерке? — спросил Болди, заняв своё место у стойки бара. — Чероки. Разряжен в пух и прах, словно какой-нибудь султан турецкий, и швыряет деньгами направо и налево. Мы с ним погуляли на славу и отпробовали слабительной шипучки, и Чероки оплачивал все счета наложенным платежом. Карманы

у него раздулись от денег, как бильярдные лузы, набитые шарами.

— Чероки, должно быть, напал на хорошую жилу, — сказал Эд-Калифорния. — Вот порядочный малый! Я глубоко признателен Чероки за то, что ему наконец повезло.

— Не мешало бы Чероки притопать теперь в Жёлтую Кирку, проведать старых друзей, — заметил кто-то с ноткой огорчения в голосе. — Ну, да так оно всегда бывает. Деньги — лучшее средство, чтоб отшибло память.

— Пойдите, — возразил Болди, — я ещё не всё рассказал. Чероки застолбил трёхфунтовую жилу там, в Марипозе, и с каждой тонны руды добывал столько золота, что хоть всякий раз кати в Европу. Эту свою жилу он продал одному синдикату и получил сто тысяч долларов чистоганом. После этого он купил себе шубу из новорождённых котиков, и красные сани, и... ну, угадайте, что ещё он надумал?

— В карты режется, — высказал предположение Техасец, который не мыслил себе развлечений вне азарта.

— Ах, поцелуй меня скорей, моя красотка! — пропел Коротыш, носивший в кармане чью-то фотографию и не снимавший пунцового галстука даже во время работы на участке.

— Купил пивную, — решил Роджер-Выпивоха.

— Чероки повёл меня к себе в комнату, — продолжал Болди, — и кое-что мне показал. У него там целый склад кукол, барабанов, попрыгунчиков, коньков, мешочков с леденцами, хлопушек, заводных барашков и прочей дребедени. И как вы думаете, что

он собирается делать со всеми этими бесполезными побрякушками? Нипочём не угадаете. Ну так вот, Чероки мне сказал. Он задумал погрузить всё это в свои красные сани и... стойте, стойте, подождите заказывать виски!.. прискакать сюда, в Жёлтую Кирку, и закатить здешней детворе — ну да, да, здешней детворе! — такую большую рождественскую ёлку и такой великий кутёж с раздачей Говорящих Кукол и Больших Столярных Наборов для Маленьких Умных Мальчиков, какие не снились ещё ни одному сосунку к западу от мыса Гаттерас!

После этих слов минуты на две воцарилось гробовое молчание. Оно было нарушено барменом. Решив, что удобный момент для проявления радушия настал, он двинул по стойке свою батарею стаканов; следом за ними и не столь стремительно поплыла бутылка виски.

— А ты сказал ему? — спросил старатель по кличке Тринидад.

— Да нет, — с запинкой отвечал Болди, — не сказал. Как-то к слову не пришлось. Ведь Чероки уже закупил всю эту муру и уплатил за неё сполна, и уж так-то был доволен собой и своей затеей... И мы с ним успели порядком нагрузиться этой самой шипучкой. Нет, я ничего ему не сказал.

— Признаться, я несколько изумлён, — молвил Судья, вешая свою тросточку с ручкой из слоновой кости на стойку бара. — Как мог наш друг Чероки составить себе столь превратное представление о своём, так сказать, родном городе?

— Ну, то ли ещё бывает на свете, — возразил Болди. — Чероки уехал отсюда семь месяцев назад.

Мало ли что могло случиться за это время. Откуда ему знать, что в городе совсем нет ребятишек и пока не ожидается.

— Да ведь если рассудить, — заметил Эд-Калифорния, — так это даже странно, что никаким ветром их к нам ещё не занесло. Может, это потому, что в городе покуда не налажено снабжение сосками и пелёнками?

— А для пущего эффекта, — сказал Болди, — Чероки решил сам нарядиться Дедом Морозом. Он раздобыл себе белый парик и бороду, в которых он как две капли воды похож на этого парня Лонгфелло, если судить по портрету в книжке. И потом ещё красный, обшитый мехом, исподний балахон, чтобы надевать поверх всего, пару красных рукавиц и круглый красный стоячий колпак с отложным кончиком. Позор да и только, как подумаешь, что всё это обмундирование пропадёт зря, когда столько разных Энн и Вилли мечтают об эдаком чуде!

— А когда Чероки думает прибыть сюда со своим товаром? — спросил Тринидад.

— В сочельник утром, — сказал Болди. — И он хочет, чтобы вы, ребята, приготовили помещение, и поставили ёлку, и пригласили дам помочь наряжать её. Но только таких, которые умеют держать язык за зубами, — чтоб полный был сюрприз для ребят.

Отмеченное собеседниками прискорбное состояние Жёлтой Кирки соответствовало действительности. Ни разу ребячий голосок не порадовал обитателей этого на скорую руку возведённого посёлка. Ни разу топот резвых детских ножек

не прозвучал на его единственной немощёной улице между двумя рядами палаток и бревенчатых хижин. Всё это пришло потом. Но в те дни Жёлтая Кирка была просто затерянным в горах старательским лагерем, и никто ещё не видел там горящих ожиданием плутовских глаз, нетерпеливо встречающих зарю праздничного дня, или рук, жадно протянутых к таинственным дарам Деда Мороза, не слышал восторженных криков по поводу великой зимней радости — ёлки. Словом, не было в Жёлтой Кирке ничего, что могло бы послужить наградой добросердечному Чероки за тот ворох добра, который он туда вёз.

Женщин в Жёлтой Кирке было всего пять. Из них три — жена пробирщика, хозяйка гостиницы «Счастливая находка» и прачка, намывавшая в своём корыте на унцию золотого песка в день, — составляли оседлую часть женского населения посёлка. Остальные две были сёстры Спэнглер — мисс Фаншон и мисс Ирма — из Передвижного драматического, который играл сейчас в импровизированном театре «Ампир». Но детей в посёлке не было. Иной раз мисс Фаншон исполняла не без огонька роль какого-нибудь бойкого подростка, но создаваемый ею образ был плачевно далёк от того детского облика, который рисовался воображению как достойный объект праздничных щедрот Чероки.

Рождество приходилось на четверг. Во вторник утром Тринидад не пошёл работать на участок, а направился к Судье в гостиницу «Счастливая находка».

— Жёлтая Кирка опозорит себя навеки, — заявил Тринидад, — если мы не поддержим Чероки

в этом его ёлочном загуле. Чероки, можно сказать, создал наш город. Я лично решил кое-что предпринять, чтобы Дед Мороз не оказался в дураках.

— Это начинание, — сказал Судья, — встретит всемерную поддержку с моей стороны. Я многим обязан Чероки. Однако я не вижу путей и средств... собственно говоря, отсутствие детей в нашем городе я до этой минуты склонен был рассматривать скорее как благодеяние... хотя при сложившихся обстоятельствах... тем не менее я всё-таки не вижу путей и средств...

— Взгляните на меня, — сказал Тринидад, — и вы увидите. Пути и средства стоят перед вами и уже собрались в путь-дорогу. Я сейчас раздобуду упряжку и пригоню на представление нашего Деда Мороза целый фургон детворы... хотя бы пришлось совершить налёт на сиротский приют.

— Эврика! — воскликнул Судья.

— Нет, врётё! — решительно возразил Тринидад. — Это я первый нашёл. Я когда-то тоже учил латынь в школе.

— Я буду вас сопровождать, — заявил Судья, размахивая тросточкой. — Тот небольшой дар речи и ораторские способности, которыми я обладаю, могут пригодиться нам, когда нужно будет убедить наших юных друзей предоставить себя на некоторое время напрокат для осуществления наших планов.

Через час Жёлтая Кирка была оповещена о плане Тринидада и Судьи и единодушно его одобрила. Каждый, кому было известно, что где-нибудь в радиусе сорока миль от Жёлтой Кирки проживает семья с малолетними отпрысками, поспешил

поделиться своими сведениями. Тринидад тщательно всё записал и, не теряя времени, отправился на розыски лошадей и возка.

Первую остановку намечено было сделать у пятистенной бревенчатой хижины в двадцати милях от Жёлтой Кирки. Тринидад покричал у ворот, из хижины вышел хозяин и стал, облокотившись о расшатанную калитку. На порог высыпала орава ребятишек, порядком оборванных, но пышущих здоровьем и снedaемых любопытством.

— Вот какое дело, — начал Тринидад. — Мы из Жёлтой Кирки. Приехали похитить у вас детишек на добровольных, так сказать, началах. Один из наших видных горожан одержим ёлочной манией и пожелал стать Дедом Морозом. Завтра он прикатит в город с целым возом разной чепухи, выкрашенной в красную краску и изготовленной в Германии. А у нас в Жёлтой Кирке самый младший из сорванцов обзавёлся уже сорокапятикалиберным револьвером и безопасной бритвой. Так кто же будет кричать «Ох!» и «Ах!», когда на ёлке зажгутся свечки? Словом, друг, если вы одолжите нам парочку ребят, мы обещаем возратить их в полной сохранности. В первый день Рождества они будут доставлены обратно в лучшем виде и притащат с собой Робинзонов в красивых переплётах, рога изобилия, красные барабаны и прочие вещественные доказательства. Ну, как?

— Другими словами, — вмешался Судья, — мы впервые со дня основания нашего небольшого, но процветающего города обнаружили его несовершенство в смысле совершенного отсутствия в нём

несовершеннолетних. И ввиду приближения того календарного срока, когда обычаем предусмотрено награждать, так сказать, нежных и юных различными бесполезными, но ходкими предметами...

— Понятно, — сказал хозяин, уминая большим пальцем табак в трубке. — Не стану задерживать вас, джентльмены. У нас со старухой, скажем прямо, семеро ребятишек. Так вот, я перебрал в уме всю кучу и что-то не вижу, кого из них мы могли бы уступить вам для вашей гулянки. Старуха уже нажарила кукурузных зёрен, а в комод у неё спрятаны тряпичные куклы, и мы сами думаем кутнуть на праздничках, хотя и по-домашнему, без затей. Словом, мне эта ваша выдумка не очень-то по душе, и я ни одного из своих ребят не уступлю. Премного вам благодарен, джентльмены.

Они покатали под гору, взобрались на другой холм и остановили возок у ранчо Уайли Уилсона. Тринидад изложил свою просьбу. Судья торжественно прогудел партию для второго голоса. Миссис Уайли спрятала двух розовощёких пострелят в складках своей юбки и не улыбнулась до тех пор, пока не увидела, что мистер Уайли смеётся и отрицательно качает головой. Опять отказ!

Когда в низине меж холмами начали сгущаться сумерки, Тринидад и Судья уже исчерпали больше половины своего списка — и всё впустую. Они заночевали в придорожной гостинице и на заре снова пустились в путь. В возке не прибавилось ни одного седока.

— Я, кажется, начинаю понимать, — сказал Тринидад, — что получить ребёнка напрокат

на праздники так же трудно, как украсть масло у человека, который собрался есть блины.

— Не подлежит никакому сомнению, — отозвался Судья, — что семейные узы приобретают в этот период года исключительную, так сказать, прочность.

В канун праздника они покрыли тридцать миль, сделали четыре бесплодных остановки и произнесли четыре не имевших успеха воззвания. Детвора везде была на вес золота.

Солнце уже клонилось к закату, когда жена старшего обходчика на какой-то глухой железнодорожной ветке, загородив собой ещё одно, не подлежащее изъятию сокровище, сказала:

— На Гранитной Стрелке работает сейчас новая буфетчица. У неё, кажется, есть сынишка. Может, она и отпустит его с вами.

В пять часов вечера Тринидад пригнал своих мулов к станции Гранитная Стрелка. Поезд только что отошёл, забрав с собой утоливших голод и умиротворённых пассажиров.

На ступеньках железнодорожного буфета они увидели тощего угрюмого мальчонку лет десяти, с папирсой в зубах. В буфете, где пассажиры с налёту удовлетворили свой кочевой аппетит, царил хаос. Молодая, но искушённая заботами женщина в полном изнеможении сидела откинувшись на спинку стула. Лицо её хранило следы своеобразной красоты — той, что никогда не исчезает бесследно, но которую нельзя и вернуть. Тринидад разъяснил ей цель их приезда.

— Да я буду рада, если вы хоть ненадолго заберёте с собой Бобби, — устало сказала

женщина. — Крутишься тут как заведённая с утра до ночи — некогда за ним присмотреть. А он набирается дурных примеров от взрослых. Какие уж тут ёлки — вот разве что у вас...

Мужчины вышли на крыльцо для переговоров с Бобби. Тринидад в живых красках описал ему роскошную ёлку с подарками.

— А потом, мой юный друг, — добавил Судья, — сам Дед Мороз явится к вам с дарами, как бы в ознаменование того, как некогда волхвы...

— А, бросьте заливать! Я не ребёнок, — насмешливо прищурившись, прервал его Бобби. — Нет никаких Дедморозов. Это вы, дяди, сами покупаете в лавке всякую дрянь и суёте ребятам ночью под подушки. И пачкаете каминными щипцами пол — будто Дед Мороз приехал на санях.

— Ну, может, и так, — примирительно сказал Тринидад. — Но ёлки-то ведь всамделишные. А у нас будет знаешь какая! Как универсальный магазин в Альбукерке — все игрушки не дешевле десяти центов. И барабаны будут, и волчки, и Ноев ковчег, и...

— К чёрту! — холодно сказал Бобби. — Я с этим давно покончил. Хочу ружьё. Не игрушечное, а настоящее, чтоб стрелять диких котов. Так у вас небось не найдётся ружья на вашей дурацкой ёлке?

— Поручиться не могу, — сказал Тринидад дипломатично, — но кто его знает... Поедем с нами, а там видно будет.

Заронив этот слабый луч надежды в душу Бобби, вербовщики вынудили у него согласие пойти навстречу филантропическому порыву Чероки

и пустились со своим единственным трофеем в обратный путь.

В Жёлтой Кирке тем временем помещение пустовавшего склада было превращено в праздничный зал, разукрашенный, как чертоги доброй аризонской феи. Дамы потрудились не зря. Ёлка, вся в свечах, серебряной мишуре и игрушках, которых хватило бы на добрых два десятка ребят, высилась в центре зала. Когда свечерело, все, сжигаемые нетерпением, стали выглядывать на улицу, не покажется ли возок с похитителями детей. Ещё в полдень Чероки влетел в посёлок на красных санях, заваленных свёртками, кульками и коробками самой различной формы и размера. И так был он увлечён выполнением своего бескорыстного замысла, что даже не заметил отсутствия ребят в посёлке, а открыть ему глаза на позорное состояние Жёлтой Кирки ни у кого не хватило духу; к тому же все твёрдо верили, что Тринидад и Судья сумеют восполнить этот ужасающий пробел.

Когда солнце село, Чероки хитро подмигнул собравшимся и с лукавой улыбкой на обветренном морщинистом лице удалился из зала, прихватив узелок со всем реквизитом Деда Мороза и ещё один таинственный пакет с игрушками.

— Как только ребята соберутся, — наказывал он членам добровольного ёлочного комитета, — зажгите ёлку и поиграйте с ними в кошки-мышки. А когда у них пойдёт дым коромыслом, вот тогда... тогда Дед Мороз потихоньку проскользнёт в дверь. Подарков, думается мне, должно хватить.

Дамы порхали вокруг ёлки, в последний раз перевешивая какие-то украшения, чтобы тут же

перевесить их заново. Сёстры Спэнглер тоже были здесь: одна в костюме леди Вайолет де Вир, другая — служанки Мари, персонажей из новой пьесы «Невеста рудокопа». Спектакли в театре начинались только в девять часов, и актрисы с благосклонного разрешения комитета помогали наряжать ёлку. Кто-нибудь то и дело выскакивал на крыльцо и прислушивался, не возвращается ли упряжка Тринидада. Тревога росла, ибо надвигалась ночь и пора было зажигать ёлку, да и Чероки в любую минуту мог, не спросясь, появиться на пороге в полном облачении рождественского Деда.

Но вот на улице заскрипел возок, и «похитители» подъехали к складу. Дамы всполошились и с восторженными восклицаниями бросились зажигать свечи. Мужчины беспокойно прохаживались из угла в угол или стояли небольшими группами, смущённо переминаясь с ноги на ногу.

Тринидад и Судья, истомлённые долгими странствиями, вступили в зал, ведя за руку тщедушного, озорного с виду мальчишку. Мальчишка презрительным взглядом исподлобья окинул пёстро разряженную ёлку.

— А где же остальные дети? — спросила жена пробирщика, игравшая первую скрипку во всех светских начинаниях города.

— Сударыня, — со вздохом отвечал Тринидад, — отправляться на разведку за детьми перед праздником — всё равно что искать серебро в известняках. Так называемые родительские чувства — сплошная для меня загадка. Похоже, что папашам и мамашам совершенно безразлично, если их